

А. Барсукова ¹

Письмо о „пушкинской“ речи Достоевского

(Москва. 10 июня 1880 г.)

Пишу вам под впечатлением глубокого, неотразимого чувства восхищения, которое произвела на меня несравненная речь нашего известного писателя-аналитика Достоевского. Я до сих пор не могу притти в себя от возбужденного им во мне восторга и, мне кажется, всю жизнь не забуду того чувства умиления, которое я испытала во время произнесения его речи. Это была молния, прорезавшая воздух. Достоевский говорил вторым, а первым выступил Чаев. Не стану долго останавливаться на его речи, потому что в ней мало было интересного, скажу только, что Чаев говорил надрываясь, торжественно-замысловатым языком, сравнивая Пушкина с тем сказочным богатырем-ребенком, которого злая тетка посадила в бочку вместе с матерью, засмолила бочку и бросила в море, но юный богатырь рос не по дням, а по часам и пробил дно бочки и вышел на волю. Так и Пушкин: как ни стесняли его свободу, мощный дух его все креп и развивался. В конце

---

¹ Анна Михайловна Барсукова, рожденная Ртищева. Родилась в Москве 27 ноября 1850 г. Была замужем за И. П. Барсуковым, умершим в 1906 г. И. П. Барсуков был автор многочисленных исторических исследований о Сибири. В последние годы своей жизни редактировал записки декабриста Волконского. А. М. Барсукова в настоящее время проживает в селе Перль, Московской области, Кимрского района.

Письмо А. М. Барсуковой к А. П. Барсукову — любопытный отклик на речь Достоевского в среде прямо противоположной той, к которой принадлежала автор вышенапечатанных воспоминаний о Достоевском, Ек. Леткова. Последняя принадлежала к среде радикальной молодежи 70-х гг. Барсукова — к среде московских славянофилов, консерваторов. Тем интереснее, с исторической точки зрения, сопоставление этих двух современных откликов на пушкинскую речь Достоевского. *Прим. ред.*

Чаев помянул о жене Пушкина, как о красавице, вдохновлявшей его на бессмертные творения, и привел стихи, его „Мадонну“, писанные им вскоре после брака и полные благоговения к чудной красоте его жены. Когда Чаев кончил, на кафедру вошел Достоевский. На вид он очень непримечателен, маленький, плюгавенький; но, как только он заговорил, боже, какая прелесть полилась из уст этого невзрачного человека! Вы знаете, как он умеет глубоко заглядывать во все сокровенные изгибы души человеческой, и никогда еще Пушкин не был так глубоко анализирован, как это сделал Достоевский. Речь его произвела такой восторг, что многие плакали, махали платками, и все неистово, дружно рукоплескали. Мне рассказывал тут же Елпидифор Васильевич Барсов, когда я в конце заседания прошла в гостиную, где сидели все писатели, что один молодой человек, потрясенный речью Достоевского, бросился в эту гостиную его отыскивать, и, когда ему показали Достоевского, слезы градом потекли по его лицу, и он в нервном припадке упал на диван. Я не могу передать вам всего существа речи и ограничусь только главным: Достоевский утвердил за Пушкиным имя народного поэта и также всемирного, приводя в пример его „Дон-Жуан“, „Пир во время чумы“ и „Египетские ночи“. Он разобрал только два типа, изображенные Пушкиным: *всемирного страдальца и скитальца Алеко*, повторенного впоследствии в *Евгении Онегине*, и тип *Татьяны*. Но что это была за сила и глубина! Недаром тут же Аксаков назвал очерк Достоевского гениальным. Достоевский говорил, что Пушкин ошибочно назвал свою поэму именем Евгения; ее следовало бы назвать по имени Татьяна, так как она главное здесь лицо. Какую дань уважения отдал он русской женщине. Русская женщина — не французская, она не побежит кое за кем. Татьяна — это самый чистый идеал русской женщине, который только повторился в Лизе — Дворянское гнездо (тут Достоевский поклонился в сторону Тургенева, и публика разразилась рукоплесканиями) — сразу отгадала пустоту и никуда негодность Онегина и не вышла бы за него замуж, если бы с ним встретилась вдовую, потому что знала, что он чувствовал влечение не к ней, а к ее внешнему блеску светской дамы. Задав еще ранее вопрос, отчего Татьяна, любя одного только Онегина, не изменила своему старому мужу и осталась ему верна, Достоевский прекрасно, много говорил на эту тему, доказав, что Татьяна построила бы свое счастье на чужом несчастье. А прочно ли такое счастье? — воскликнул он. И потому она не хотела покрыть позво-

ром и убить этого честного старика, который любил ее, верил ей безгранично и гордился ею, и пойти за человеком, которому она бы надоела на другой же день. Когда Достоевский кончил, очередь была за Аксаковым, но после Достоевского Аксаков не хотел говорить и, наконец, побуждаемый публикой, вышел на трибуну и сказал приблизительно следующее: „Еще вчера можно было сомневаться, народен ли Пушкин, но после гениальной речи достоуважаемого Федора Михайловича все сомнения рушились, и я так потрясен, очарован его речью, что не могу читать свою: она будет слабой тенью слышанного“. Публика закричала ему браво, и он все-таки должен был прочесть выдержки из своей речи. Читал он умно, дельно и в конце помянул доброю памятью русскую няню, русскую бабу, влиявшую так сильно на своего гениального питомца, и прочел очень прочувствованно стихи Пушкина к няне:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя и т. д.

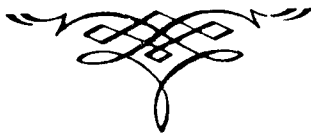
Мне казалось, что другие не должны были бы читать после Достоевского, но заседание продолжалось. Плещеев продекламировал с чувством стихи, приличные торжеству, а Калачев и Анненков читали так, что я не слыхала ни одного слова. Я ушла в гостиную, куда удалились все писатели и ученые (исключая нашего Петра Ивановича,¹ сидевшего одиноко за зеленым столом), и смотрела на Тургенева и Достоевского. Тургенев, белый как лунь, с свежим лицом и очень изящными манерами. Елпидифор Васильевич Барсов представил при мне Достоевского графу Уварову, но Достоевский очень холодно обошелся с ним, прервал его речь и удалился. Когда я вернулась в залу, говорил уже Петр Иванович, говорил мало, очень приятным голосом, но и только. В конце возгласил добрую память императору Николаю Павловичу, считавшему Пушкина умнейшим человеком в России и вызвавшему его из изгнания. Ему, по обычаю, немного похлопали. После Бартенева говорил Потехин, о Гоголе, которого Пушкин считал генеральным художником и говорил, „что не успею сделать я, то докончит Гоголь“. Потехин предложил от всего Общества российской словесности поставить Гоголю памятник на Никитском бульваре. Предложение его было принято с восторгом, и тут же состоялась подписка. Собрано в один

¹ Петр Иванович Бартенев — редактор-издатель исторического журнала „Русский архив“.

день 4000 рублей. „Да будет Москва,—воскликнул с глубоким чувством Потехин,—центром русской литературной образованности“.

Но что меня удивило, это то, что никто, ни единым словом, не упомянул о Лермонтове. Как будто его не существовало. Говорили о Жуковском, Карамзине, Дельвиге, Языкове, а о Лермонтове ни слова. В конце концов Достоевскому поднесен был громадный венок, по почину одной девицы Некрасовой, знакомой Алексея Егоровича Викторова. Венок был насильно надет на Достоевского.

В зале присутствовали сыновья Пушкина и старшая дочь. Я видел одного сына, командира полка, он разговаривал с министром народного просвещения. Ни одной фамильной черты отца и матери; простое, солдатское лицо, с рыже-белыми волосами. Тут же в собрании выставлены портреты жены и родных Пушкина. Жена снята масляными красками, уже потускневшими. Красивые классические черты лица, голубые глаза и каштановые волосы, но ничего нет симпатичного. Зато как прекрасно нарисованы акварелью мать Пушкина и мать его жены. Обе красавицы, но с милым выражением лица; сестра его, Павлищева, тоже очень хороша собой и необыкновенно мила, блондинка, с локонами за ушами. Кажется, я все вам описала, памятника еще не видала, потому что у нас стоит холодная осенняя погода с мелким дождиком, но как только установятся хорошие дни, непременно отправлюсь на Тверской бульвар и беру Сашу ¹ и Зину ² с собой, чтобы показать им памятник бессмертного поэта.

¹ Александр Иванович Барсуков (1869 — 1904) — сын А. М. Барсуковой.

² Зинаида Ивановна Барсукова (1873 — 1919) — дочь А. М. Барсуковой.